

*А.В. Михалёв***Этнополитическая ситуация
в постсоциалистической Монголии****A.V. Mikhalev***The Ethno-Political Situation in Post-Socialist Mongolia**

Состояние постсоциализма для большинства стран бывшего социалистического лагеря характеризуется схожими тенденциями в их социально-политическом развитии, одной из которых является рост этнонационализма. Монголия в этом ряду не исключение, хотя монгольская «национальная идея» имеет свои специфические черты.

Ключевые слова: национализм, национализирующееся государство, классификации, социальные границы, Монголия.

Исторически этнонационализм в странах Азии выступал как инструмент деколонизации [1], а в 1990-е гг. – десоветизации [2]. В Монголии этот тренд начал утрачивать свою актуальность лишь к началу 2000-х гг. К тому времени многие национализирующиеся государства постсоветского пространства стали полностью национальными – сформировались новые идентичности, лояльности, система политических мифов. Изучению этих явлений политической жизни и посвящено данное исследование.

Монгольский национализм как исследовательская проблема нашел свое отражение в трудах следующих ученых: К. Каплонски, Б. Баабара, У. Булага, О. Латтимора, Л. Мунх-Эрдэнээ, Р. Рупена, К. Этвуда [2–8]. В качестве предмета для анализа нами выбраны: 1) этноидеологемы политического дискурса; 2) идентификационные практики; 3) политика в сфере национализации государства. Мы отталкиваемся от конструктивистской парадигмы в понимании национализма, что позволяет взглянуть на изучаемое явление как на элемент политической идеологии эпохи постмодерна. Ее ключевая роль заключается в гомогенизации культурного пространства государства, что делает его более управляемым. Исходным методологическим посылом для нас является концепция национализирующихся государств Р. Брубейкера [9]. Под национализирующимся государством понимается государство, еще не ставшее национальным, но пытающееся сделать свою государственность собственностью нации, номинально являющейся государствообразующей. Основная задача такого го-

The condition of post-socialism for most former Warsaw pact's countries is characterized by similar tendency of socio-political development and increase of ethno-nationalism in particular. Mongolia is not an exception to the rule, but Mongolian «national idea» has its own specific features.

Key words: nationalism, nationalizing states, classification, social boundaries, Mongolia.

сударства – достижение этнокультурной гомогенности [9, с. 63 и 65]. Достижение этой цели сопровождается ростом экстремизма и дискриминации меньшинств по этнокультурному принципу.

Монгольский национализм как предмет анализа является своеобразным явлением в силу того, что в отличие от других государств Центральной Азии [10] он развивался в условиях парламентской республики и относительно слабой президентской власти. Глава государства, в отличие от Туркмении или Казахстана [11–12], не возглавил процесс национализации государственных институтов. К 2000-м гг. отсутствие консолидирующего фактора в лице влиятельного президента ослабило позиции этой идеологии, и в итоге вывело ее на периферию политической жизни, обеспечив ей маргинальный статус.

Национальная политика в Монголии эпохи социалистического строительства. Право наций на самоопределение, декларировавшееся большевиками, обеспечило монголам с 1921 г. фактически, а с 1945 г. юридически суверенное государство. В Монгольской Народной Республике (МНР) активно развернулся процесс строительства социалистической монгольской нации, включившей в себя монголов, живших на территории МНР. Для лидеров Советского Союза и Коминтерна, курировавших этот процесс, стояла задача ликвидировать последствия панмонголизма и сохранить в составе СССР территории, населенные монголоязычными народами (в частности Бурятию). Другой задачей была поддержка коммунистического движения в Китае, которому гарантировалась не-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Российское присутствие в Монголии: модернизация "советских" институтов на "постсоветском" пространстве», проект №09-03-00395 а/Р.

прикосновенность территории Южной (Внутренней) Монголии**, не вошедшей в состав МНР [13, с. 65–76]. Таким образом, социалистическая монгольская нация включила в себя лишь племена Внешней Монголии с преобладающей группой халха-монголов, чей диалект был взят за основу современного монгольского языка.

В результате политических решений великих держав монголы в XX в. оказались разделенными на три основные группы – бурят-монголов в СССР, халха-монголов в МНР и убэр-монголов в КНР. В середине XX в. глава МНР Х. Чойбалсан неоднократно ставил перед руководством СССР вопрос о присоединении Внутренней Монголии к Халхе. Однако всякий раз получал отказ. В результате к концу XX в. в условиях политического разделения были сформированы три различные монголоязычные этнокультурные группы, одной из которых была социалистическая монгольская нация. Конструирование социалистической монгольской нации сопровождалось формированием многообразия новых политических идентичностей и лояльностей. Знаковыми аспектами идентификации периода МНР являлись членство в Монгольской народно-революционной партии, а также социализация в институтах, выстроенных по советскому эталону, а то и напрямую в СССР (например высшее образование). Реализация этой политики опиралась на тезис В.И. Ленина: «...оказать этим (в нашем контексте – монголам. – А.М.) отсталым и угнетенным, более чем мы, народам “бескорыстную культурную помощь”» [14, с. 117]. Исходя из этого советский народ позиционировался в качестве «старшего брата» по отношению к «младшему» монгольскому.

В 1950-е гг. Монголия полностью отказывается от вертикального алфавита и переходит на кириллицу. Этот процесс окончательно разграничил монголов МНР и жителей Автономного Района Внутренняя Монголия КНР (далее – АРВМ), сохранивших этот алфавит по сей день. Нациестроительство 1920-х гг. разделило монголоязычные народы на бурят-монголов (преимущественно живших СССР), халха-монголов (МНР) и убэр-монголов (КНР). Отдельно стоял вопрос о тюркоязычной Туве (с 1941 г. в составе СССР). К концу 1980-х гг. население Монголии делилось на монголов, бурят, казахов и тувинцев [4]. Подобная классификационная модель обеспечивала советское политическое и культурное доминирование в стране, а к началу 1990-х гг. привела к социальному взрыву (демократической революции зимой 1989–1990 гг.). Эти процессы способствовали значительному оттоку русскоязычного населения из Монголии. В конце 1980-х гг. оно насчитывало примерно 56 тыс. чел.

** В 1930-е гг. Внутренняя Монголия являлась протекторатом Маньчжоу Го – автономией Мэнцзян. Барга же после подавления баргинского восстания 1927 г. полностью контролировалась Маньчжоу Го.

[15, с. 66], а к концу 1990-х гг. – едва превышало 5 тыс. чел. В начале 1990-х гг. по Улан-Батору ходила легенда об экстремистской организации «Серые волки», совершавшей нападения на советских граждан [15, с. 74]. В условиях подобного давления и под влиянием экономических причин значительная часть русских, проживавших в Монголии, ее покинула. В это же время была предпринята попытка полного возврата к старомонгольской письменности, т.е. отказ от кириллицы. Однако этого не произошло в силу ряда институциональных причин, поскольку вся система образования была основана на кириллице, а полный отказ от нее мог бы привести к деструктивным последствиям.

Культ Чингисхана и политическая культура. Социалистическая идентичность в Монголии базировалась на руководящей и направляющей роли монгольской народно-революционной партии и ее вождей: Д. Сухэ-Батора и Х. Чойбалсана (культ личности последнего был осужден в 1956 г.). В период социализма эпоха Чингисхана осуждалась: «Кровь детей честных, монгольских пастухов использовали, чтобы поддержать монгольскую феодальную знать и деспотизм ее правления. Чингисхан был бесчестен, и это – позорная сторона истории» [16]. Однако после демократической революции 1990 г. Монголия радикально сменила вектор политического развития. Страна изменила название с МНР (Бугд Найрамдах Монгол Ард Улс) на Монгольское государство (Монгол Улс). Начался процесс реабилитации репрессированных в 1930-е гг. политических деятелей (А. Амара, Д. Бодо, С. Данзана и ряда других). В это же время идет возвращение забытых исторических имен эпохи Средневековья, на первый план вновь выходит культ Чингисхана. Он стал символом демократической революции 1990 г. Вокруг его имени выстраивается идеология этнокультурного возрождения Монголии [2]. В это время формируется новая генеалогия государственности и модель политической преемственности: современная Монголия ведет ее со времен Чингисхана, с эпохи Великого Монгольского Государства (Их Монгол Улс).

1990-е гг. стали периодом активной десоветизации, когда в стране сносили памятники Ленину, в Улан-Баторе ликвидировали постамент И.В. Сталину [17, с. 302]. Изменяется модель истории: в ее центре – имперское прошлое монголов, их культурное наследие, монгольский ампир. В 1992 г. указом президента Монголии Чингисхану был построен мавзолей. До сей поры такой чести был удостоен лишь Д. Сухэ-Батор. Ритуал открытия мавзолея основателю империи был организован с подношением камней и аршана (святой воды) со всех округов страны. Этот обряд был воссоздан по аналогии с государственными культами времен средневековой монгольской империи, сведения о которых взяты из манускриптов того времени. Дальнейшее реформирование государственной системы привело

к широкому тиражированию «бренда» Чингисхана и его преемников на деньгах и другой государственной символике. Средневековая хроника «Сокровенное сказание» была рекомендована президентом Н. Багабанди к прочтению каждой монгольской семьей. Издание этой книги осуществляется большими тиражами и часто реализуется как туристический сувенир. В 2006 г. отмечалось 800-летие монгольской государственности, к этому моменту была перестроена центральная площадь Улан-Батора. Помимо памятника вождю монгольской народной революции 1921 г. Д. Сухэ-Батору, ее украсила монументальная скульптура Чингисхана. Это символизировало окончательный разрыв с эпохой социализма. Новая политическая идентичность в современной Монголии опирается на традицию средневековой государственности, трансформированную в систему политических институтов парламентской республики. История этой политической модели управления ведется с 1206 г., когда Великий Курултай провозгласил Темучжина Чингисханом. Эти выборы считаются отправной точкой в истории монгольского парламентаризма [2, с. 121].

Идентичность: борьба за политические символы. Разрушение социалистической модели идентификации привело к замене графы «национальность» в паспортах граждан Монголии на пункт «этническая принадлежность» (ундэстэн): халх, дюрбет, байт, мянгат и т.д. С этого времени начинается доминирование халха-монголов как государствообразующей племенной группы. Современная монгольская идентичность сводится к формуле – халх значит монгол [2, с. 35]. Происходит халхаизация элитарных групп. В числе парий, подвергшихся исключению, оказываются так называемые этнические меньшинства – казахи и буряты. Последние в 1920-е гг. стояли у истоков государственного строительства в МНР, однако в 1930-е гг. подверглись массовым репрессиям.

Этнонационалистическая и халхацентристская мифология называет бурят «евреями Азии», так как они образованы, влиятельны и активно пользуются внутриэтническими сетями [18, с. 28]. Политический дискурс воспроизводит миф о том, что в кабинете министров Монголии лишь половина халхасы, а остальным изменили биографию, чтобы избежать народного недовольства. Однако, как показывает практика, монгольскому буряту, пожелавшему в паспорте написать национальность «халхас», в такой возможности будет отказано. Существует термин «ястан», маркирующий монгольских бурят и казахов. Ястан – это отличная от монголов этническая группа со своей историей и языком. При этом халха-монголы позиционируют себя как ундэстэн – нация, которая является категорией более высокого порядка, чем ястан [18, с. 29].

Отдельного внимания заслуживает отношение к убэр-монголам, так называемым китайским монголам. Как отмечает У. Булаг, в момент освящения

мавзолея Чингисхана подношений от представителей Автономного Района Внутренняя Монголия КНР не было. На церемонии развевались флаги лишь четырех халхаских аймаков маньчжурской эпохи. Хотя именно убэр-монголы считают, что они больше монголы, чем халхи, потому что сумели сохранить вертикальное письмо и монгольские обычаи, например, уважение к старшим. Во Внутренней Монголии всегда поклонялись Чингисхану, а халхи предали его имя забвению на 70 лет. Мемориал Чингисхану на Ордосе включает в себя памятники и «обоо» всем героям и предкам монголов. Восемь белых юрт посвящены его четырем женам и четырем сыновьям, между которыми была поделена империя. По сей день на Ордосе находятся места поклонения полководцам армии Чингисхана.

Вопрос о нахождении места рождения Чингисхана (Делюн Болдог) также остается спорным. На уровне политики (научных сведений об этом нет) это место определено в Хэнтэйском аймаке Халха-Монголии. В 1992 г. в ознаменование 830-летия со дня рождения «отца нации» руководители страны заявили о строительстве в каждом сумэ этого аймака по мавзолею в честь Чингисхана. Это символизировало халхаскую принадлежность места рождения великого хана и его империи [4, с. 24].

Халхаскому национализму противостоит панмонголизм. Исходным посылом данной идеологии является тезис о том, что чистота монгольской этничности должна устанавливаться не через халха-монголов, а через Чингисхана. Поскольку он объединил под этнонимом «монгол» все племена (в современной этноимнологии – потомков Бортэ-чино и Гоа Марал). Эту идеологию разделяют те, кто оказался на периферии халхаского национализма (убэр-монголы, буряты, ойраты).

Эволюционистское понимание этничности в духе теории этноса Ю. Бромлея по сей день доминирует в монгольском политическом дискурсе. Деление на ундэстэн и ястан является тому иллюстрацией. В условиях, когда трайбализм является ключевым принципом идентификации, попытки гомогенизации социокультурного пространства встречают резкое противодействие. Поиски «чистой монгольской крови» ведут к увеличению количества социальных границ между воображаемыми этническими общностями. Логика развития национализирующегося государства Монголии привела к формированию этнонации на базе одной из господствующих групп и к радикальному отказу от идеи общемонгольского единства.

Современная Монголия, выстраивая преемственность государственной традиции с XII в., объявила себя единственной правопреемницей всего культурного наследия того времени. Это право основывается на «чистоте крови», не смешанной с китайской или русской, а следовательно, единственно аутентичной.

Следуя этой логике, существует лишь одна «истинная», «чистая» Монголия – Халха. Таким образом, в период национализации государственных институтов Монголии сформировалась так называемая халхацентристская модель их организации [4, с. 15].

Эрлийз как форма эксклюзивной идентичности. Термин «эрлийз» (метис, гибрид, полукровка) является дискриминационной категорией по отношению к монголо-китайским метисам. Он подразумевает не только категорию крови, но и культурной принадлежности. Проще говоря, под категорией «эрлийз» подразумевают китаизированных монголов. У. Булаг считает, что начало такому разделению было положено еще в XVII в. в период маньчжурского завоевания Монголии и вхождения ее в состав империи Цин [4, с. 2]. На наш взгляд, это разделение имеет более поздние корни. Оно возникло в XX в. в процессе противостояния КНР и СССР по «монгольскому вопросу». Его решение пошло двумя различными путями в МНР и КНР. Так, в Китае монголы сохранили вертикальную письменность, однако их язык в значительной степени смешался с китайским, что к концу XX в. привело к возникновению помимо диалектных различий еще одного языкового барьера. В то же время халхаский диалект в МНР многое заимствовал из русского языка, что привело к окончательному размежеванию халха и убэр-монголов.

В этом контексте в современной Монголии под словом «эрлийз» чаще всего подразумевают убэр-монголов и непосредственно метисов. Эрлийз – это категория политического дискурса, которая приобрела особое значение в условиях национализирующегося государства. Например, в период выборов обвинение того или иного кандидата в том, что он эрлийз (использование «черного PR»), может привести к окончанию его политической карьеры. Исторический дискурс обосновывает идею о наименьшей китаизации Халха-Монголии в отличие от АРВМ КНР. Это позволяет говорить о чистоте крови, сохранении традиций и государственности, об «исконно монгольской идентичности».

Эрлийз подразумевает разрыв с традицией, а следовательно, отсутствие Родины. Данный термин в его политической коннотации подразумевает еще и космополитичность взглядов. В националистическом дискурсе существует устойчивое мнение, что метисы опасны для государства, поскольку являются потенциальными предателями, поэтому их стараются исключать из пространства политики. Однако неверифицируемость данной категории ведет к слишком широкой трактовке термина. Так, один из лидеров ультранационалистической группы «Даяр Монгол» убил жениха своей дочери за то, что он учился в Китае, а следовательно, был эрлийз. Эта ситуация демонстрирует пространность дефиниции этого термина [19].

Политический экстремизм возник в Монголии еще в начале 1990-х гг. и ассоциируется с организацией «Серые волки», наводившей панику на русскоязычное население этой страны. Сегодня о существовании экстремизма напоминают нарисованные на стенах домов центральных улиц Улан-Батора свастики и шовинистические лозунги. При этом мирный уход России в начале 1990-х гг. из Монголии спровоцировал активную китайскую экспансию. Поэтому к началу 2000-х гг. монгольский экстремизм приобрел ярко выраженную антикитайскую направленность.

В Монголии три крупных экстремистских организации: Монгольский Национальный Союз (МНС), Даяр Монгол (Вся Монголия) и Хөх Монгол (Синяя Монголия). Эти организации насчитывают 2–3 тысячи сторонников. Как заявляют лидеры монгольских экстремистов, их организации имеют поддержку за рубежом – в России и Германии. Эти структуры существуют на членские взносы своих лоялистов, благодаря им националисты имеют возможность участвовать в выборах. Лидер «Даяр Монгол» Загас Эрденебилег четырежды баллотировался в парламент, но безуспешно. Он заявляет: «Если наша кровь смешается с иностранной, мы быстро выйдем». Особенную неприязнь вызывают китайцы, которые, по мнению лидера «Даяр Монгол», являются организаторами проституции и наркоторговли в Монголии; своим кумиром он считает Чингисхана, который, с его точки зрения, своим примером оказал влияние на Адольфа Гитлера [19].

Сходные лозунги выдвигают лидеры Синей Монголии: «Мы не должны забывать о том, что Монголия была могущественной империей. Однако высокопоставленные чиновники коррумпированы и раздадут землю иностранцам. Наши монгольские предки жертвовали своей жизнью в борьбе с врагом не для того, чтобы их земля перешла к приезжим. Поэтому мы пытаемся вновь пробудить националистические идеи» [19].

Свою борьбу неонацисты ведут прежде всего за чистоту крови. Так, глава МНС 23-летний Шари Мунгун-Эрдене в интервью монгольской газете «The UB Post» рассказал об убеждениях членов организации: «Мы националисты, потому что распространяем идеи национализма. Другими словами, нас можно называть нацистами. Обычно люди считают, что нацисты жестокие, но это неправильно. По-моему, в каждой стране есть националисты». Цели МНС Мунгун-Эрдене излагает более четко: «Мы должны любыми способами добиться того, чтобы китайцы здесь не жили». По его мнению, большинство китайских иммигрантов занимаются в Монголии незаконной деятельностью – сутенерством или торговлей наркотиками. Другой член МНС в разговоре с корреспондентом газеты «The UB Post» заявил: «Китайцы – наши главные враги.

Они отравляют монгольскую кровь, женись на наших девушках, и намереваются сделать монголов частью китайской нации» [19].

Перечисленные организации являются неонацистскими по своему идеологическому содержанию. Как заявил один из лидеров «Даяр Монгол» Мунгун-Эрдэнэ, «Гитлер любил книги и читал историю Чингисхана в тюрьме, он выбрал эту свастику своим символом». Это утверждение – политический миф: в 1930-е гг. «Сокровенное Сказание монголов» еще не было переведено на немецкий язык. Заимствование из германского нацизма идеи партийной дисциплины характеризует эту среду как продукт глобализации. Хотя есть и формальные отличия, в частности, монгольские экстремисты красят волосы в желтый цвет в подражание Чингисхану – потомку бортэ чино (рыжего волка).

Опасения, связанные с китайской экспансией, опираются на пример монголов, живущих в Китае, положение которых близко к аккультурации. Под влиянием экономических и политических факторов их идентификация себя как монголов стала менее актуальной, ее вытесняет гражданская идентичность. Данные последней переписи населения в Китае наводят на размышление. Если в 1989 г. из 26 млн чел., проживающих во Внутренней Монголии, монголами себя назвали 4,2 млн, то в 2000 г. при населении в 32 млн – 2,1 млн чел. [20, с. 24].

Судить о влиятельности неонацистских организаций в Монголии сложно, в трехмиллионной стране три тысячи активистов неонацистских движений представляют собой вполне определенную силу. Однако, как свидетельствуют результаты выборов, поддержкой широких масс электората они не пользуются. Китайское влияние в Монголии – это раздражитель, унаследованный с советских времен, когда в период обострения советско-китайского конфликта КНР начала угрожать границам Монголии. Как утверждает У. Булаг, «с падением российской власти в конце 1980-х гг. Монголия потеряла защитника, хотя сегодня его считают эксплуататором. Монголы оказались лицом к лицу с главным врагом, который хотя и похож на них физически, принадлежит к совершенной иной цивилизации: богатой, многолюдной и действительно угрожающий благополучию монголов. Монголы опасаются, что если Монголия попадет под китайское влияние, китаизация будет стремительной» [4, с. 136].

Слабость российских позиций в стране на современном этапе во многом ограждает россиян от нападков монгольских экстремистов. Сегодня китайское присутствие в стране по объему товарооборота и инвестиций является лидирующим. В этих условиях антикитайские риторики представляют собой реакцию

на низкий уровень жизни и зависимость от экономически сильных соседей.

Национализирующееся государство – сложный политический феномен, в случае с Монголией отягощенный колониальным наследием. Как отмечал классик постколониальных исследований Парта Чаттерджи, «национализм является продуктом антиколониальной борьбы» [1]. На примере Монголии эта связь прослеживается отчетливо. Расположенная между двумя сверхдержавами – Россией и Китаем – она постоянно подвергалась экспансии. Китайская колонизация в начале XX в., советское военное присутствие в 1960–1980-х гг. сформировали в Монголии устойчивую стратегию противостояния «Чужому». В результате чего была сформирована идеология монгольского национализма. Идея почвы и крови, пришедшая из немецкого романтизма в националистический дискурс, легла и в основу монгольского национализма.

Эксклюзия и инклюзия – это механизм регулирования идентичностей и лояльностей в условиях строительства как нации-государства, так и этнонации. Борьба с врагами, «Чужими»: эрлийз, полукровками и с колонизаторами (китайцами и русскими) формирует основу националистического дискурса в Монголии. Почитание Чингисхана, легитимация государства посредством средневекового законодательства Ясы (Их Засаг) легли в основу политической инклюзии. Все это формирует преемственность с традицией Великой Монгольской империи.

Однако реалии современного мира заставляют монгольских этнонационалистов, особенно из числа радикалов, искать новые контексты легитимации своей деятельности. Группировки Даяр Монгол и Хөх Монгол являются порождением глобализации, а не антиколониализма. Прямые заимствования из немецкого нацизма и откровенные попытки натурализации идеологии Третьего рейха в монгольский исторический контекст ставят лидеров Даяр и Хөх Монгол в один ряд с другими неонацистскими субкультурами Европы и Азии. В результате они оказываются на периферии политической жизни страны.

В этих условиях мы можем констатировать определенную стабильность этнополитической ситуации в стране. Парламентские политические партии, несмотря на идеологические расхождения, стоят на позициях гражданского национализма, разделяя политику конструирования нации-государства на основе халхацентризма, что не позволяет говорить о понимании универсальной монгольской идентичности в отрыве от халха-монгольской. Это позволяет оградить Монголию от российского влияния, проводниками которого могут стать бурят-монголы, и китайского с его убэр-монгольской составляющей и культом Чингисхана на Ордосе.

Библиографический список

1. Chatterjee P. Nationalist Thought and the Colonial World: A Derivative Discourse? – Delh, 1986.
2. Kaplonski C. Truth, History and Politics in Mongolia. The Memory of Heroes. – L. ; N. Y., 2004.
3. Baabar From World Power to Soviet Satellite. History of Mongolia. – Cambridge, 1999.
4. Bulag U.E. Nationalism and Hybridity in Mongolia. – Oxford, 1998.
5. Lattimore O. Nationalism and Revolution in Mongolia. – Leiden, 1955.
6. Munkh-Erdene L. The Mongolian Nationality Lexicon: From the Chinggisid Lineage to Mongolian Nationality (From the Seventeenth Century to the Early Twentieth Century) // Inner Asia. – 2006. – Vol. 8.
7. Rupen R. The Mongolian People Republic. – Standford, 1966.
8. Atwood C. National Questions and National Answers in the Chinese Revolution; or, How Do You Say Mimu in Mongolian? // Indiana East Asia Studies Center, Working Papers. – 1994. – Series 5.
9. Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. – Cambridge, 1996.
10. Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. – СПб., 2007.
11. Горак С. Мифы великого Туркменбаши // Вестник Евразии. – 2005. – №2 (28).
12. Борисова Е. Роль неформальных институтов в управлении Казахстаном // Вестник Евразии. – 2002. – №1 (16).
13. Лузянин С.Г. Коминтерн, Монголия и китайская революция // Восток. – 1996. – №1.
14. Ширендыб Б. Избранные произведения. – М., 1973.
15. Лиштованный Е.И. От великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии. – Иркутск, 2007.
16. БНМАУ түүх – УБ, 1949.
17. Михалёв А.В. Советское политическое присутствие в Монголии: память о героях и риторика преемственности в российском историческом нарративе // Ab Imperio. – 2009. – №2.
18. Буряты: социокультурные практики переходного периода / Д.Д. Амоголонова, С.Д. Батомункуев, П.К. Варнавский и др. – Иркутск, 2008.
19. Низамов Е. Необыкновенный нацизм // Власть. – 2009. – №31 (834).
20. Базаров Б.В. Чингисхан и исторические проблемы монголосферы // Чингисхан и судьбы народов Евразии : материалы Междунар. науч. конф. – Улан-Удэ, 2003.